

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА ВАРВАРОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Традиционный женский костюм является полноценным историческим источником, иллюстрирующим сложный процесс этногенеза и позволяющим проследить историю народа, его быта и культуры. Изучение костюма имеет большое значение для объективного освещения этноформационных процессов, протекавших на Крымском полуострове в раннесредневековое время. При этом костюм не был предметом специального, комплексного исследования. Во многом это объясняется состоянием источников. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма известен, в основном, по находкам из могильников. Женщин хоронили в парадной, прижизненной одежде. О том, что это одеяние не было специально сделано для погребения, свидетельствуют многочисленные следы изношенности и ремонта на металлических аксессуарах. В настоящее время исследовано несколько сотен женских захоронений V–VII вв. и ни в одном из них не обнаружено остатков одежды в виде кусков ткани. Поэтому костюм можно изучать только по металлическим функциональным деталям одежды (пряжкам и фибулам) и различным украшениям. В предлагаемой работе мы остановимся на отдельных аспектах в изучении костюма, привлекая внимание специалистов.

Накопление археологического материала и его интерпретация. Предметы женского готского костюма попадают в поле зрения исследователей в конце XIX в. В основном, это были богатые находки из Боспорского некрополя, поступившие в российские и иностранные музеи, либо попавшие в руки антикваров и частных коллекционеров [Ваге 1892, 4–6]. На основании этих находок, еще до начала систематических раскопок в Керчи и Юго-Западном Крыму, Ж. де Бай выделил главные элементы готского женского костюма: пальчатые фибулы, пряжки с прямоугольным щитком и 14-гранные серьги [Ваге 1891, 3–6]. Отметив присутствие этих элементов в костюме других германцев, Ж. де Бай, считавший керченские находки более древними, пришел к

заключению, что именно готы стали “импортерами” названных вещей на Запад [Ваге 1891, 6–7].

В начале XX в. в Керчи и Юго-Западном Крыму проводятся широкомасштабные раскопки раннесредневековых некрополей. В ходе раскопок В. В. Шкорпила на горе Митридат в 1902–1909 гг., в склепах на Госпитальной улице были выявлены не разграбленные позднеантичные и раннесредневековые погребения. Однако печатные отчеты об этих раскопках лишены иллюстраций, а описание найденных пряжек, фибул и серег сведено к констатации их принадлежности к “готскому” стилю [Шкорпил 1907, 6, 8, 40, 43, 46, 58; Шкорпил 1909 3, 4, 6, 18, 25]. В 1903–1905 и 1907 гг. Н. И. Репников раскопал 200 погребальных сооружений в Суук-Су, зачистил отдельные погребения в Бал-Готе и Узень-Баше, а также зафиксировал несколько находок из полностью разрушенных могильников в Артеке и Кореизе [Репников 1906; Репников 1907; Репников 1909]. Благодаря находкам византийских монет в неразграбленных погребениях, а также публикации материалов раскопок на высоком научном уровне, с подробным описанием всех комплексов инвентаря, могильник Суук-Су достаточно долго оставался единственным эталоном для построения хронологии раннесредневековых древностей не только Крыма, но и варваров Центральной и Западной Европы. Н. И. Репников отметил, что стратиграфически погребения могильника делятся на два слоя: верхний и нижний. Нижний слой с интересующими нас находками он датировал по монетам V–VII вв. В. В. Шкорпил и Н. И. Репников датировали погребения предварительно, только по монетам, без детального анализа инвентаря, без поиска аналогий. Этническая интерпретация находок также не обсуждалась, поскольку не возникало сомнения по поводу их готской принадлежности. Письменные данные о присутствии готов в Крыму не вызывали у историков сомнения [Кулаковский 1914, 52–53, 61–62]. Поэтому первые, открытые в Крыму памятники, имевшие близкие соответствия в древностях готов на Западе, были связаны исследователями с готами письменных источников.

Анализу стилистических особенностей крымских находок и поиску их прототипов посвящены исследования А. Гетце и Б. Салина. А. Гетце собрал и исследовал большие поясные пряжки с рельефной орнаментацией: наметил основные типы, хронологию,

районы распространения и связал их с готами, расселившимися от Крыма до Испании [Götze 1907]. Шведский археолог Б. Салин учел все известные ему фибулы и пряжки IV–VII вв. из Крыма и Подунавья и установил, что пальчатые фибулы с ромбической ножкой и рельефным декором возникли на Среднем Дунае под влиянием провинциального искусства, а впоследствии проникли на Боспор и в Италию [Salin 1914, 32, 123–129, 193].

Иная точка зрения на происхождение “готских” вещей сложилась у российских археологов. По мнению М. И. Ростовцева, готы, проникшие в Южную Россию, адаптировали местную, развитую греко-сарматскую культуру и немного модифицировали ее в соответствии со своими вкусами [Rostovtzeff 1923, 141–142]. Л. А. Мацулевич также связывал появление на Боспоре пальчатых фибул и больших пряжек с развитием в местных ювелирных мастерских позднеантичных и сарматских традиций [Мацулевич 1926, 48]. Л. А. Мацулевич сделал важный шаг в разработке хронологии: он выделил два этапа в развитии вещей так называемого “готского” стиля в Керчи. Находки “типа Суук-Су” исследователь считал “последующим вариантом тех же керченских типов” [Мацулевич 1926, 40, 48–49]. Хронология Л. А. Мацулевича на несколько десятилетий стала общепринятой.

Немецкий ученый Х. Кюн в 1940 г. издал свод пальчатых фибул из Восточной и Западной Европы, в который включил и некоторые фибулы из Северного Причерноморья [Kühn 1965]. На приведенном обширном материале видно, что крымские пальчатые фибулы – не уникальное явление, а представляют собой разновидность застежек, широко распространенных в эпоху раннего средневековья по всей Европе у многих германских племен.

Развернувшиеся в 1950–60 гг. археологические исследования раннесредневековых могильников в Юго-Западном Крыму дали новые материалы, которые позволили уточнить некоторые вопросы хронологии и дополнить представление о женском костюме. В. В. Кропоткин на основании анализа погребального обряда и инвентаря женских захоронений из Чуфут-Кале пришел к заключению, что могильник принадлежал смешанному алано-готскому населению горного Крыма [Кропоткин 1958, 211]. Исследователь указал на поразительное сходство женских украшений из крымских могильников и остготских погребений Северной Италии

[Кропоткин 1965, 112, 115]. Большое значение для окончательного выяснения хронологии нижнего слоя Суук-Су имела опубликованная в 1961 г. работа В. К. Пудовина [Пудовин 1961]. На основании комплексов вещей из погребений и их датировки по находившимся там монетам и малым византийским пряжкам он показал, что наиболее обоснованная дата нижнего слоя Суук-Су – вторая половина VI и первая половина VII в.

В 1964 г. выходит монография А. Л. Якобсона “Средневековый Крым”, которая стала первым исследованием по истории Крыма, обобщившим все имеющиеся на тот момент данные письменных источников и результаты археологических раскопок. А. Л. Якобсон отнес считающиеся ранее готскими древности к “коренному, греко-аланскому” населению [Якобсон 1964, 9, 15, 154–155].

В 1950–70-х годах несколько важных для изучаемой темы работ было опубликовано зарубежными исследователями. Отметим, прежде всего, труды И. Вернера по древностям Подунавья и Западной Европы. В 1961 году он издал каталог фибул из коллекции И. Диргардта, в котором представлены и находки из Северного Причерноморья [Werner 1961]. Отдельный раздел работы посвящен функции фибул и способам их ношения у разных народов [Werner 1961, 4–6]. И. Вернер отметил, что именно для готов, в отличие от других германских племен, было характерно ношение парных фибул на плечах в костюме с большой поясной пряжкой, что хорошо прослеживается по находкам из погребений готов Крыма, визиготов Испании и остготов Италии [Werner 1961, 4–5].

Для понимания происхождения отдельных элементов костюма крымских готов важны исследования, связанные с изучением материальной культуры остготов. В 1975 г. вышла монография Ф. Бирбрауера, в которой дана развернутая картина археологического наследия королевства остготов в Италии. В книге опубликован исчерпывающий каталог остготских находок из Италии и сопредельных стран [Bierbrauer 1975, 255–364]. Основная масса остготских древностей – это детали женского костюма, прежде всего пряжки и фибулы. Исследователь рассматривает их по типам и выделяет изделия, принесенные во время остготского переселения из Подунавья, и формы, специфические для итальянского

периода. Исследователь прослеживает развитие обычая хоронить женщин с парой двупластинчатых или пальчатых фибул на плечах и характеризует традиционный женский костюм остготов [Bierbrauer 1975, 71–84].

Новый этап в изучении раннесредневековых древностей Крыма связан с исследованиями А. К. Амброза и А. И. Айбабина. Используя накопленный в ходе раскопок материал и результаты зарубежных исследователей, А. К. Амброз создал единую относительно-хронологическую систему, показывающую взаимосвязь между всеми этапами разных культур IV–IX вв. на обширных пространствах Южной Европы и Азии [Амброз 1971]. Помимо вопросов, связанных с типологией, хронологией и генезисом отдельных деталей женского костюма – двупластинчатых и пальчатых фибул и больших поясных пряжек, – для нас важны выводы А. К. Амброза о тесных генетических связях ювелирного искусства Крыма со Средним Подунавьем [Амброз 1968]. Исследователь показал, что именно в названном регионе сложились основные элементы женского костюма и отсюда были заимствованы населением Крыма. А. К. Амброз отметил, что в раннесредневековой материальной культуре Юго-Западного Крыма наиболее ярко выражен готский компонент, проявившийся в женском этнографическом костюме второй половины VI–VII вв. [Амброз 1994/1995, 43–44, 61, 68].

А. И. Айбабин продолжил начатую А. К. Амброзом работу по хронологизации крымских древностей. Значительно расширив источниковедческую базу за счет находок, полученных как в ходе собственных раскопок, так и происходящих из раскопок других исследователей и хранящихся в различных музеях, он разработал детальную типологию археологического материала раннесредневековых памятников Крыма [Айбабин 1990; Айбабин 1999, 249–284]. А. И. Айбабин установил, что в Юго-Западном Крыму существовал свой центр ювелирного производства и выделил стилистические особенности его продукции [Aibabine 1993]. В монографии “Этническая история ранневизантийского Крыма” исследователь представил принципиально новую научную концепцию этнокультурной и политической истории Крымского полуострова с IV по X вв., основанную на комплексном исследовании письменных и археологических источников [Айбабин 1999].

А. И. Айбабин аргументировано локализовал страну Дори Прокония Кесарийского в Юго-Западном Крыму, между Алуштой и низовьями реки Черная. Он также убедительно доказал, что выявленные на ее территории могильники принадлежали единому населению – готам и аланам. Исследователь подробно охарактеризовал материальную культуру этого населения.

В 1980–90-х годах многочисленные публикации материалов раскопок и музейных коллекций значительно расширили источниковедческую базу для изучения костюма. Опубликованы материалы раскопок могильника Скалистое – единственного в Крыму почти полностью исследованного памятника, непрерывно функционировавшего в V–IX вв. [Веймарн, Айбабин 1993]. Издано несколько коллекций из зарубежных музеев, в состав которых входят и находки V–VII вв. из Керчи и Юго-Западного Крыма [Andrási J., Aibabin 2008; Damm 1998].

В последние десятилетия появилось большое количество зарубежных публикаций, расширяющих круг аналогий и позволяющих объективно оценить влияние на женский костюм варваров Юго-Западного Крыма восточногерманских традиций и византийской моды. Изданы каталоги больших экспозиций, представляющих древности различных народов Эпохи великого переселения народов и отдельно – готы [Bierbrauer 1994]. Вышли статьи Г. Риполл Лопез [Ripoll López 1991; Ripoll López 1993–1994] и монография В. Эбель-Зепезауэр [Ebel-Zepezaue 2000] по археологии визиготов в Испании. В них представлены находки из визиготских некрополей, в том числе и детали женского костюма, дана их типология, выделены хронологические этапы, охарактеризованы основные наборы пряжек, фибул и украшений.

История изучения костюма. В специальных, обобщающих работах по истории костюма отсутствуют данные об одежде раннесредневековых варваров Юго-Западного Крыма. Связано это с тем, что историки моды изучают костюм древних народов, как правило, по изобразительным материалам, сохранившимся образцам одежды и по данным письменной традиции. Ни одного из перечисленных источников жители Юго-Западного Крыма эпохи раннего средневековья после себя не оставили. Тем не менее, нам необходимо учитывать исследования по истории моды, поскольку в них отражены общие, характерные для многих народов

тенденции в развитии одежды интересующего нас времени. Особенно важны работы, посвященные раннесредневековому костюму византийцев и народов Западной Европы. О близости в VI в. костюмов жительниц Юго-Западного Крыма и остготов Северной Италии и визиготов Испании неоднократно говорилось специалистами [Айбабин 1999, 111; Амброз 1994/1995, 43–44, 61, 68]. Известно также, что в VI–VII вв. население страны Дори имело торговые контакты с Херсоном и многими регионами Византийской империи [Айбабин 1999, 161–162].

В 60-е годы XIX в. вышел энциклопедический труд немецкого художника и историка культуры Г. Вейса “Всеобщая история мировой культуры”, по многим вопросам не утративший актуальности и в наши дни [Вейс 2007]. В работе собран обширный изобразительный материал, в том числе и по костюму различных народов. Особый интерес представляют разделы об одежде древних христиан, воспроизведенной по фрескам из Римских катакомб, а также византийцев и раннесредневековых народов Европы [Вейс 2007, 453–455, 459–469, 572–574].

В 20-х годах XX вв. появляется ряд исследований по истории византийского искусства, в рамках которых рассматривается и костюм. Н. П. Кондаков [Кондаков 1929; Кондаков 1998], Ж. Эберсолт [Ebersolt 1923] и Н. М. Беляев [Беляев 1926] используют сведения письменных источников и сопоставляют их с “материалом изобразительным и вещественным” [Беляев 1926, 205].

Отметим также работы М. Г. Хьюстон и П. А. Мартинелли, в которых изучается византийский костюм по иконографическим данным. М. Г. Хьюстон в обобщающей работе по древней одежде посвятила отдельный раздел византийскому костюму [Houston 2003, 120–161]. Основные источники для ее исследования – консульские диптихи из слоновой кости, фрески древнехристианских катакомб, барельефы саркофагов IV в. и мозаики ранних базилик. П. А. Мартинелли детально описала женский костюм VI в., представленный на мозаиках из Равенны [Martinelli 1969]. В обширном исследовании П. Каламары рассматривается византийская одежда IV–XI вв. различных социальных и половозрастных групп, а также особенности костюма нескольких регионов империи [Kalamaras 1995]. Автор, наряду с иконографическим материалом, привлекает многочисленные свидетельства письменных

источников, а также сохранившиеся целые образцы одежды и фрагменты тканей. Перечисленные работы важны для нас также тем, что в них воспроизведен обширный иконографический материал, являющийся источником для реконструкции одежды.

Отдельно остановимся на серии работ, посвященных реконструкции древней одежды по археологическим материалам. В публикации материалов раскопок могильника Суук-Су Н. И. Репников обратил внимание на функциональное назначение отдельных элементов одежды. Он отметил парность фибул, высказал предположения об использовании их в качестве застежек для верхней одежды типа плаща и о назначении некоторых украшений [Репников 1906, 43, 45, 48].

Большое значение для изучения раннесредневекового костюма варваров имело открытие в 1959 г. в крипте базилики Сен-Дени, в саркофаге № 49 богатой могилы с текстильными остатками [France-Lanord, Fleury 1962]. Исследователи связывают это погребение с меровингской королевой Арегондой, супругой Хлотаря I, умершей около 590/600 г. [Périn 1991]. М. Флэри детально изучил все текстильные остатки из саркофага, на основании чего А. Франс-Лянор реконструировал одеяние королевы. Впоследствии П. Перэн уточнил назначение некоторых металлических аксессуаров и предложил новую реконструкцию одежды Арегонды [Périn 1991, 35–36, 48–49, fig. 8; 9].

Ф. Бирбрауер, в упоминавшейся выше монографии о древностях остготов в Италии, посвятил целую главу реконструкции женского костюма этого народа [Bierbrauer 1975, 71–84]. На основании находок из женского погребения первой половины V в. из Хохфельдена он пришел к заключению, что фибулами застегивалась верхняя одежда типа плаща [Bierbrauer 1975, 75–76, Abb. 10,1]. Однако, в более поздних работах Ф. Бирбрауер, опираясь на исследования М. Мартина [Martin 1995], пересматривает назначение фибул и считает их наплечными застежками одежды типа пеплоса [Bierbrauer 1997, 169].

М. Мартин, восстанавливая раннесредневековый костюм с фибулами, использует изображения на древнегреческих сосудах VI в. до н.э., а также, в качестве аналогии – реконструкции женской одежды эпохи бронзы и периода Латена [Martin 1995, 41, Abb. 20]. Исследователь приходит к заключению, что фибулами

на плечах застегивали платье наподобие пеплоса, и что одежда такого типа дольше всех задержалась у остготов и вестготов [Martin 1995, 43]. М. Мартин некорректно использовал эллинистические изображения для реконструкции одежды раннесредневековых народов. Иконографические материалы и реконструируемый костюм должны соответствовать по времени и принадлежать одному культурному кругу. Отметим, что в одной из первых статей автор настоящей работы также представила одеяние погребенной из Лучистого, из склепа 54 в виде пеплоса – платья, застегивавшегося на плечах фибулами [Айбабин 1999, 156, рис. 66]. Однако впоследствии мы отказались от такой интерпретации. Перемены в одежде в позднеримское время, а именно исчезновение греко-римской одежды с драпировкой (в том числе и пеплоса) и повсеместный переход на далматику – документированы многочисленными изобразительными памятниками [Кондаков 1929, 226].

И. Дамм реконструировала женский костюм эпохи переселения народов, используя материалы опубликованных отчетов В. В. Шкорпила о раскопках на Госпитальной улице [Damm 1999, Abb. 57; 59; 61; 62; 64]. На наш взгляд, эти реконструкции носят условный характер: по ним можно только представить расположение вещей на одежде, однако совершенно не понятно их функциональное назначение. Фибулы изображены таким образом, что представляются декоративными брошами. Большие сомнения вызывает и реконструкция, заявленная И. Дамм как “костюм остготской женщины VI в.”, выполненная якобы по материалам могильника Суук-Су [Damm 2000, 113, fig. 10.13]. Представленная на ней одежда подвязана поясом с орлиноголовой пряжкой керченского типа, а на плечах застегнута пальчатыми фибулами типа Удине-Планис, соединенными между собой цепью. Отметим, что керченские орлиноголовые пряжки в Суук-Су не известны. В Юго-Западном Крыму единственная такая пряжка найдена на некрополе Эски-Кермена, в могиле 315, где она лежала на костяке вместе с двупластинчатыми фибулами. Фибулы типа Удине-Планис *in situ* зачищены только в четырех погребениях из Лучистого (склепы 77, 176, 240 и 283), где они зафиксированы в наборах с большой пряжкой с прямоугольным щитком. Кроме того, нам не известны случаи украшения фибул этого типа цепью.

Представленный на реконструкции гарнитур скорее характерен для жительниц Боспора. Однако и в этом случае из него следует исключить цепь. Спорен и фасон реконструированной одежды, представленной в виде античного пеплоса, застегнутого на плечах фибулами. Отметим, что это мало соответствующая действительности реконструкция уже цитируется исследователями. Так, Ф. Бирбрауер без всяких оговорок использует ее в качестве иллюстрации “пеплоса крымских готов по находкам из Суук-Су” [Bierbrauer 2008, 94, Taf. 30, 8].

Для реконструкции костюма важны исследования, посвященные древнему текстилю и его производству. Ценные наблюдения о тканях III–IV вв. из Северного Причерноморья, хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа, и о развитии ткацкого производства в регионе сделаны в работе Д. С. Герцигер [Герцигер 1973, 85–98]. В. Ф. Гайдукевич рассмотрел вопросы о ткацком ремесле в Боспорских поселениях [Гайдукевич 1952]. Многие его наблюдения актуальны и для нашего исследования. Изучению археологических тканей позднеримского времени из Юго-Западного Крыма с применением естественнонаучных методов посвящены работы Т. Крупы [Крупа 2000].

Подводя итоги вышеизложенному, можно отметить следующее. На протяжении всего XX в. шло накопление археологического материала и его осмысление. Объектами исследования специалистов стали отдельные детали костюма – пряжки и фибулы. Разрабатывалась их типология, уточнялась хронология, выявлялись круг аналогий и ареал распространения, анализировались стилистические особенности и определялись прототипы, выяснялись вопросы этнической атрибуции. При этом функциональные особенности пряжек и фибул, их назначение, место и роль в костюме разных половозрастных групп населения не рассматривались. Не исследовались украшения, являющиеся важным компонентом костюма и массово встречающиеся в погребениях. В археологических и исторических исследованиях женский костюм с большой пряжкой второй половины VI–VII вв., близкий этнографическому женскому костюму остготов и визиготов, часто привлекался в качестве яркого свидетельства присутствия восточногерманского этнического компонента в раннесредневековом Юго-Западном Крыму. Однако костюм с большой пряжкой

рассматривался поверхностно, без учета всех типов использовавшихся в нем пряжек, фибул, украшений и их встречаемости в погребениях и, в основном, на примере только одного могильника Суук-Су. Вне поля зрения исследователей остался костюм этого же населения предшествующего периода (V – первой половины VI вв.), не рассматривалась и степень влияния византийской моды.

Историки, занимающиеся изучением раннесредневекового костюма, опираются, в основном, на данные иконографии и письменной традиции. Поэтому костюм варваров Юго-Западного Крыма, не оставивших после себя перечисленных источников, ими игнорируется. Тем не менее, в работах по истории костюма освещены общие тенденции в развитии моды, характерные для многих народов в эпоху раннего средневековья. Эти тенденции необходимо учитывать при восстановлении древнего костюма, чтобы избежать допущенных некоторыми авторами реконструкций несоответствий историческим реалиям.

Изучение женского костюма варваров Юго-Западного Крыма остается актуальным и перспективным направлением в исследованиях по раннесредневековой истории Крыма. Главной задачей является комплексное изучение женского костюма жителей Юго-Западного Крыма V–VII вв. и реконструкция его основных типов на основании археологических материалов, при привлечении данных иконографии и письменной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии**. Симферополь, 1990. Вып. I.

Айбабин А. И. **Этническая история ранневизантийского Крыма**. Симферополь, 1999.

Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // **Краткие сообщения Института Археологии АН СССР**. 1968. № 113.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // **Советская археология**. 1971. № 2.

Амброз А. К. Юго-западный Крым. Могильники IV–VII вв. // **Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.** Симферополь, 1994/1995. Вып. IV.

Беляев Н. М. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // **Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова.** Prague, 1926.

Веймарн Е. В., Айбабин. А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

Вейс Г. **Всеобщая история мировой культуры.** Москва, 2007.

Гайдукевич В. Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // **Боспорские города. Материалы и исследования по археологии СССР.** Москва – Ленинград, 1952. № 25.

Герцигер Д. С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // **Памятники античного прикладного искусства.** Ленинград, 1973.

Кондаков Н. П. **Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры.** Прага, 1929.

Кондаков Н. П. **Иконография Богоматери:** в 2-х т. Т. 1. Москва, 1998.

Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма // **Советская археология.** 1958. XXVIII.

Кропоткин В. В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // **Краткие сообщения Института Археологии АН СССР.** 1965. Вып. 100.

Крупа Т. М. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами Криму) // **Археологія.** 2000. № 3.

Кулаковский Ю. А. **Прошлое Тавриды.** Киев, 1914.

Мацулевич Л. А. **Серебряная чаша из Керчи.** Ленинград, 1926.

Пудовин В. К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550–650 гг.) // **Советская археология.** 1961. № 1.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // **Известия Императорской Археологической комиссии.** 1906. Вып. 19.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // **Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей.** 1907. Т. XXVII.

Репников Н. И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // **Известия Императорской Археологической комиссии**. 1909. Вып. 30.

Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // **Известия Императорской Археологической комиссии**. 1907. Вып. 25.

Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // **Известия Императорской Археологической комиссии**. 1909. Вып. 30.

Якобсон А. Л. **Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры**. Москва – Ленинград, 1964.

Aibabine A. I. La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmérien et dans la Gothie de Crimée aux VI e – VIII e s. // **Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens**. Saint-Germain-en-Laye, 1993.

Andrási J., Aibabin A. **The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material**. London, 2008.

Baye J. **De l'influence de l'art des Goths en Occident. Communication faite au Congrès historique et archéologique de Liège (août 1890)**. Paris, 1891.

Baye J. La bijouterie des Goths en Russie // **Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France**. Paris, 1892. T. LI.

Bierbrauer V. **Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien**. Spoleto, 1975.

Bierbrauer V. Archeologia degli Ostrogoti in Italia // **I Goti**. Milano, 1994.

Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc // **Antiquités nationales**. 1997. № 29.

Bierbrauer V. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich // **Bayerische Akademie der Wissenschaften**. München, 2008. Heft 131.

Damm I. G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. // **Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte**. Berlin, 1988. Band 21.

Damm I. G. Völkerwanderungszeitliche Frauentracht // **Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden**. Heidelberg, 1999.

Damm I. G. Huns and Goths: Jewelry from the Ukraine and Southern Russia // **From Attila to Charlemagne. Arts of the Early Medieval Period in The Metropolitan Meseum of Art.** Yale, 2000.

Ebel-Zepezauer W. **Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr.** Mainz am Rhein, 2000.

Ebersolt J. **Les arts somptuaires de Byzance. Etude sur l'art impérial de Constantinople.** Paris, 1923.

France-Lanord A., Fleury M. Das Grab der Arnegundis in Saint-Denis // **Germania.** 1962. N40.

Götze A. **Gotische Schnallen.** Berlin, 1907.

Houston M. G. **Ancient Greek, Roman and Byzantine Costume.** New York, 2003.

Kalamara P. **Le système vestimentaire à Byzance du IVe jusqu'à la fin du XIe siècle.** Thèse du Nouveau Doctorat. T. I. Paris, 1995.

Kühn H. **Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz.** Graz, 1965.

Martin M. Schmuck und Tracht der frühen Mittelalters // **Frühe Baiern im Straubinger Land.** Straubing, 1995.

Martinelli P. A. Il costume femminile nei mosaici Ravennati // **Corsi di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina.** № 16–29, Marzo. Ravenna, 1969.

Périn P. Pour une révision de la datation de la tombe d'Arégonde, épouse de Clotaire I, découverte en 1959 dans la basilique de Saint-Denis // **Archéologie Médiévale.** 1991. T. XXI.

Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch // **Monuments et mémoires.** Paris, 1923. T. XXVI.

Ripoll López G. Materiales funerarios de la Hispania visigoda: problemas de cronología y tipología // **Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne.** Rouen, 1991.

Ripoll López G. La necropolis visigoda de El Carpio de Tajo. Una nueva lectura a partir de la topocronología y los adornos personales // **Butlleti de la Reial Academia Catalana de Belles Arts de Sant Jordi.** Barcelona, 1993–1994. № VII–VIII.

Salin B. **Die Altgermanische Thierornamentik.** Stockolm, 1904.

Werner J. **Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck).** Bd. 1. Die Fibeln. Berlin, 1961.